

КНИГА №1 ИЗ СЕРИИ ТРИЛЛЕРОВ О КОРЕ ШИЛДС

СЛОМ

ЛЕН

НАЯ

БЛЕЙК ПИРС

Серия триллеров о Коре Шилдс

Блейк Пирс
Сломленная

«Lukeman Literary Management Ltd»

Пирс Б.

Сломленная / Б. Пирс — «Lukeman Literary Management Ltd»,
— (Серия триллеров о Коре Шилдс)

Это дебютный роман новой серии от автора детективов и триллеров №1 Блейка Пирса. Внешне Кора Шилдс — настоящая крутышка. Ветеран морских котиков и лучший агент Отдела поведенческого анализа ФБР, Кора имеет репутацию человека, готового на всё, чтобы поймать убийцу. Но никто не знает, что внутри она разбита, зависима от обезболивающих и находится в глубокой депрессии. Когда Кору увольняют, она теряет — пока не узнаёт, что дочь старой подруги исчезла. Сначала колеблясь, Кора решает взяться за дело как мститель — и её мир вскоре взрывается действием. Заговор, который она раскрывает, оказывается глубже, чем кто-либо мог себе представить, втягивая её в безумную погоню через несколько штатов, чтобы спасти пропавшую девочку до того, как время истечёт. Справится ли Кора со всем этим в одиночку, одновременно сдерживая собственных демонов? Сможет ли она поймать убийцу и спасти девочку, пока не стало слишком поздно? Захватывающий и душераздирающий криминальный триллер с блестящей и измученной мстительницей в главной роли, эта серия — увлекательная детективная история, наполненная непрерывным действием, напряжением, поворотами и неожиданностями, откровениями и движимая головокружительным темпом, который заставит вас переворачивать страницы до глубокой ночи.

© Пирс Б.

© Lukeman Literary Management Ltd

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	18
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

БЛЕЙК ПИРС СЛОМЛЕННАЯ

КНИГА №1 ИЗ СЕРИИ ТРИЛЛЕРОВ О КОРЕ ШИЛДС

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кора едва не сорвалась – рука, взметнувшись в сторону, чуть не выдернула плечо из сустава. Она прошипела от боли, отчаянно вцепившись пальцами в бетонный подоконник старого, заброшенного промышленного здания.

В наушнике, сквозь треск помех, прозвучало: «*Всего пять минут, Кора. Ты его видишь?*»

Она не ответила – берегла силы, тяжело дыша, пока страх холодными иголками полз по позвоночнику. Пять минут – она слишком долго возилась, непозволительно долго. Кора быстро глянула вниз, на асфальтовую парковку, заросшую сорняками: из трещин тянулась трава. Ни одной машины – кроме той, на которой они с напарником приехали, и двух больших чёрных внедорожников, стоявших у основания здания.

По версии корпорации, которой принадлежало здание, эти внедорожники были «плановой охраной».

Но охрана её не интересовала.

Её интересовал человек, который платил им зарплату.

Все *знали*, чем в свободное время занимается Дезмонд Райк. Все знали, что он делал с теми девушками, которых увозил с собой, – и все предпочитали закрывать глаза.

Вообще-то Кора и агент Брейди, её напарник, не имели права проникать внутрь, пока не будет ордера. Трое вооружённых отморожков у входа, вместе с камерами наблюдения, позаботились о том, чтобы это было ясно. Но Кора понимала: времени нет – солнечный блеск в окнах быстро тускнел.

До заката оставалось пять минут. Мистер Райк убивал своих жертв *ровно* в тот миг, когда солнце исчезало. Жертвоприношение – как они выяснили – в соответствии с его маленьким культом солнцепоклонников.

Мгновение она висела, держась одной рукой, левое колено подпрыгивало о раму окна ниже. Кора судорожно выдохнула, чувствуя, как покалывают нервы. Короткие всплески страха вспарывали спину и шептали в подсознании мелкие угрозы, но она заставила себя собраться. Лоб блестел от пота, руки горели болью, и она была на высоте двенадцатого этажа – поэтому второй раз вниз не посмотрела.

Кора всегда боялась высоты.

Но одно из преимуществ её подготовки – ещё в ВМС, до того как она пришла в ФБР, – заключалось в том, что встреча со своими страхами считалась обязательным минимумом. Отбор в БУДС и подготовке «морских котиков» не выдерживали по меньшей мере восемьдесят процентов.

И это среди отборнейших. Лучших из лучших.

Кора никогда не считала себя лучшей в чём бы то ни было. Она была просто упрямой.

Упрямой настолько, чтобы не разжать пальцы на подоконнике. Она подтянулась выше; сердце бешено колотилось, лицо поравнялось со следующим окном. Кора вцепилась в бетонный край обеими руками – руки всё ещё напрягались под рукавами куртки. Она выдохнула с дрожью и всмотрелась в тёмные коридоры за мутным стеклом.

По коридору двигались ещё двое с оружием. Кора поморщилась, пригнула голову и переждала, пока они пройдут. И тут наушник снова затрещал.

«*Агент Шилдс!*» – теперь другой голос, куда более злой. «*Чёрт возьми, агент Шилдс. Ответьте – немедленно!*»

Кора поморщилась. Заместитель директора явно был не в восторге. Она двинулась к окну, которое заметила снизу, – единственному на восточной стороне здания, оставшемуся чуть приоткрытым. Дойдя, она толкнула створку тыльной стороной ладони.

«Агент Шилдс! Мы будем на месте через десять минут. Оставайтесь на позиции. Вы меня слышите? Оставайтесь на позиции!» Голос в эфире будто становился громче с каждой секундой, пока она его игнорировала.

Впрочем, у неё был богатый опыт игнорирования заместителя директора Малкольма Огдена. Директору Огдену Кора никогда особенно не нравилась.

Это было взаимно.

Он не просто действовал по уставу. Он жил по нему, спал по нему, тащил его с собой в постель, ухаживал за ним – и всё в таком духе.

Кора же никогда не была большим любителем чтения.

Она щёлкнула выключателем радиоприёмника. В линии повисла тишина. Так гораздо лучше.

Теперь можно сосредоточиться. До того, как упадёт ещё одно тело, оставались считанные минуты. Этот псих уже расправился с четырьмя молодыми женщинами.

И она не собиралась стоять и соблюдать жалкий протокол, пока убивают ещё одну.

Её маленькое жилистое тело позволило ей медленно проскользнуть в открытое окно, вывалиться на пол и приземлиться в приседе. Она двигалась бесшумно, на носках, проходя по тихому коридору. Уши настрожены – она вслушивалась в звук шагов.

Рыжевато-каштановые волосы Кору были подстрижены коротко: слева выбрито наголо, справа – до плеч. Не самая девчачья причёска, но Кору никогда не упрекали ни в любви к розовому, ни в тонкой душевной организации. Некрасивой она не была – не один бывший сослуживец из её взвода пытался подкатить. И сама она порой отвечала взаимностью. Но уж точно её никогда не называли *милой*. Слишком резкие черты: высокие скулы, прямой нос, холодные серые глаза – как моря, которые она патрулировала два срока службы в свои двадцать с небольшим.

Она вытянула руку и упёрлась ладонью в деревянную дверь, а другой сжимала пистолет. Татуировки вдоль предплечья уходили под рукав, выделяясь на напряжённых, но сухих мышцах.

В двадцать Коре не приходилось работать над тем, чтобы быть подтянутой. Теперь, приближаясь к тридцати одному, она свято соблюдала утренний двухчасовой ритуал тренировок – не только потому, что так легче держать вес, но и потому, что благодаря всплеску эндорфинов удавалось хотя бы ненадолго удерживать на расстоянии другие, куда более тёмные демоны.

Петли тихо, протяжно скрипнули, когда она толкнула дверь. Она крепче сжала оружие, сглотнула. Глаза быстро обежали пустую, скудно обставленную комнату. Старое офисное кресло валялось опрокинутым. Ни столов. Несколько проводов торчало из пустых гнезд в стене.

Быстро, поверхностно осмотревшись, она перешла в следующую комнату. Снова пусто.

В коридоре оставалось ещё пять дверей. Он будет на одном из верхних уровней. Так он делал всегда. Последних трёх жертв он увозил в пентхаус, на часовую башню и на вершину старого собора.

Мистер Райк сколотил состояние на Уолл-стрит. Но его не устроил банковский счёт, как у бога. Ему хотелось ещё и поклонения. Его маленькую секту купили или подкупили. Он был харизматичен и красив – они всегда такие.

Лучшие хищники – те, на кого приятно смотреть. Они могут отвлечь добычу внешним лоском, пока не станет слишком поздно.

Она нахмурилась, вспомнив последнее тело, найденное у подножия собора, среди надгробий прилепившегося кладбища. Он сталкивал их насмерть. Райк называл это на своих тайных встречах с адептами *падением Ра*.

Кора помрачнела ещё сильнее; её серые, морские глаза темнели бурей, пока она подходила к следующей группе дверей. И тут она услышала движение.

Она замерла и бесшумно прижалась к стене. Дверь вдруг распахнулась. В комнату протиснулась пара мужчин в чёрных костюмах и двинулась к следующей двери. Она стояла тихо, пока дверь, распахнувшись мимо неё, не укрыла её в тени и не образовала маленькую нишу.

До неё донеслись обрывки приглушённого бормотания.

– Как думаешь, он уже прикончил её? – сказал один из них; по голосу было слышно, что сама мысль ему неприятна.

Другой хмыкнул. – Да не знаю. Сверху пока тишина. Обычно они орут.

– О-орут? Чёрт... то есть, – он сглотнул и продолжил, – я... Ладно.

Второй, постарше, фыркнул. – Не думай об этом. Делай своё дело.

Первый что-то ответил, но его голос снова заглушило, когда оба охранника вошли в комнату напротив, продолжая свой ленивый обход.

Кора подождала, пока они пройдут. А потом выскользнула из-за наклонной ниши, которую образовала закрывающаяся дверь, и поспешила вперёд – к лестнице у дальней стены.

Наверху. Охранник сказал – наверху тихо.

Времени почти не осталось.

И тогда она это сделала. То есть – побежала.

Она рванула в спринт, все еще стараясь двигаться как можно тише, но это становилось бесполезно. Позади слышались голоса – пока без крика. Без выстрелов. Только тревога. Они ее услышали, это точно, но, судя по всему, еще не увидели. Она добежала до лестницы, нырнула за угол и помчалась вверх, перепрыгивая через ступени по две, прежде чем кто-нибудь успел окликнуть ее.

Ни тени заминки: достигнув следующего этажа, она вылетела вперед, и ноги понесли ее по холодному бетону. Этот уровень был обозначен как 14, если верить большой ламинированной табличке справа на лестничной площадке. Красно-белый пластик, правда, местами облупился от времени.

Кора больше не колебалась. Она стремительно неслась вперед, ее шаги гулко били по голому бетону. Ковры здесь содрали. Впереди она заметила большую стеклянную дверь, словно ведущую в конференц-зал. Перед дверью стояли еще двое мужчин.

Она поморщилась, но не сбавила хода, быстро сокращая расстояние между ними – около тридцати футов.

Двое мужчин переминались с ноги на ногу, заметно нервничая и явно чувствуя себя неуютно, прислушиваясь к рыданиям в комнате за их спинами. Всхлипы и мольбы отвлекали их достаточно.

Оружие она не вытащила. Она и так уже нарушила не одно правило, войдя в здание без санкционированного ордера. Формально они не *знали* наверняка, что жертва мистера Райка находится с ним. Но это была обоснованная догадка. Кора и ее напарник достаточно долго шли по следу этого убийцы, чтобы знать его манеру и привычки. Он всегда действовал осторожно, уходил с места преступления, не оставляя ни следа. Это была толковая наводка агента Брейди, ее напарника: он сумел связать один из банковских счетов Райка с отелем возле собора, где обнаружили одно из тел.

Звук шагов Кору дошел до них лишь тогда, когда она преодолела половину пути. Мужчины в костюмах резко подняли головы. Глаза округлились, брови взлетели, руки метнулись к пистолетам.

Она не стала ждать. Двадцать футов. Десять. Пистолеты в руках. Пять футов. Прицеливаются. Ругательство —

Она врезалась в них. Жесткая, мозолистая ладонь – прямо в горло мужчине слева. И колено – ниже пояса мужчине справа, с размаха, во всю силу. Оба рухнули с отчетливыми, но различными звуками, будто из них выпустили воздух, как из лопающихся шариков.

Она задержалась лишь на мгновение, чтобы забрать их оружие. За несколько быстрых движений разобрала оба пистолета, выбросила магазины в боковую комнату, извлекла патроны, поймала их и швырнула в другую сторону, а затем уронила разобранные части на бетон. Последним пинком, отправив детали скользить по полу мимо стонущих мужчин, Кора опустила плечо.

И тут ее плечо пронзила внезапная вспышка боли. Где-то на дне сознания мысли потянули ее, пытаясь увести по другой тропе...

Она на миг поморщилась, упершись предплечьем в исполосованную разводами и отпечатками стеклянную дверь. Дыхание сбилось на частые, рваные вдохи, и в груди начала подниматься паника.

Она больше не стояла в промышленном здании в Западной Виргинии.

Больше не нависала над корчащимися от боли мужчинами – живыми, слишком живыми.

На долю секунды, на кратчайший миг, она снова оказалась в песках пустыни. Чувствовала жар. Ощущала на губах соль океанской воды. Видела два мертвых тела на земле, кровь под ними растекалась лужами, как красное стекло. Слышала выстрелы. Голос своего командира «морских котиков», выкрикивающего приказы, пока она пыталась прорваться сквозь боль от пулевого ранения в руке.

Одна из немногих женщин в подразделении SEAL, кому удалось пройти BUDS, Кора прожила жизнь, постоянно доказывая вдвое больше – и вдвое большему числу людей. По крайней мере, ей так казалось.

Но она никогда не жаловалась. Это только усложнило бы ей жизнь в отряде.

Теперь, стоя там, она вдруг, резким всплеском, вспомнила. Боль, кровь, первые два убийства – она застрелила обоих так, что они так и не увидели её: ночью она поднялась из приboя, как призрак.

А потом...

И так же быстро она вернулась.

Она судорожно выдохнула, закрыла глаза и, открыв их, глубоко вдохнула. Она тряхнула головой, и с небритой части её волос брызнули капли пота.

Боль в плече, в руке, воспоминания о ранах – отступили.

Постороннему, любому наблюдателю, это могло показаться самым кратким колебанием. Секунда-другая, чтобы перевести дыхание.

Но для Кору всё было так, словно кто-то поджёт ей разум, смотрел, как он горит, потом собрал заново – лишь затем, чтобы в другой раз снова пригрозить этим пламенем, снова и снова.

Она стиснула зубы, поморщилась от досады и протиснулась в дверной проём, выйдя в комнату, которую приняла за конференц-зал.

Она не ошиблась.

Вдоль стен стояли лакированные деревянные столы, расставленные подковой. А там, в дальнем конце комнаты, – открытое окно.

Она ощутила внезапный сквозняк, почувствовала, как воздух ласкает её разгорячённую кожу, пробегая по комнате. Но взгляд её уже был прикован к двум фигурам у окна. Окно было большим, раздвижным, почти от пола до потолка. Металлические жалюзи шевелились и дребезжали от ветра – и ещё от борьбы этих двоих.

Оба были в белых одеяниях. А на голове у одного – кто бы мог подумать – сидела золотая корона. Красивый мужчина с тёмными кудрями и зелёными глазами. Оливковая кожа выдавала любовь к солнцу или к солярию.

И сейчас он говорил убаюкивающим, уговаривающим голосом, который совершенно не вязался ни с напряжёнными мышцами, ни с той жестокостью, с какой он пытался вытолкнуть

женщину в окно. «Такова воля великой звезды!» – произнёс он всё тем же, нарочито спокойным тоном. – «Воля её проводника – прошу, Зайна! Сделай, как я прошу. Доверься мне!»

Но молодая женщина уже не была так очарована своим лидером культа, как, вероятно, прежде. Молодая, лет двадцати с небольшим, она брыкалась и металась, пытаясь вырвать руки из холодной, стальной хватки Десмонда Райка.

Миллиардер-убийца теперь смеялся, мотая головой из стороны в сторону; его идеальные светлые волосы взметались у открытого окна. «Ну же», – пробормотал он. – «Какой смысл сопротивля—»

Он осёкся, резко обернувшись.

Кора поняла: он, должно быть, заметил её отражение в стекле. Она уже двигалась. И снова оставила пистолет в кобуре. Пока они сцепились у открытого окна, чистого выстрела не было. Но теперь она рванула вперёд, броском помчавшись к спине Райка, как раз в тот миг, когда он поворачивался.

Едва его идеальные зелёные глаза сфокусировались на ней, выщипанные брови взлетели к его дурацкой короне с золотыми листиками.

Он попытался возразить, сказать *что-то*, но было поздно. Она с криком врезалась в него, вгоняя плечо ему в живот. Но при этом она не могла сосредоточиться на том, чтобы его скрутить. Сначала – главное: контроль над обстановкой.

Она потянулась *мимо* него, ухватила его несостоявшуюся жертву. Девушка вскрикнула, когда новая рука сомкнулась на её запястье. Но Кора дёрнула резко, вырвала её из-под окна и втянула в безопасность жёсткой бетонной стены.

Райк ругался, тянулся к своему оружию.

Теперь же у Кору была чистая линия.

Её пистолет прыгнул ей в ладонь. Другой рукой она всё ещё держала женщину, в то время как другой рукой Райк вцепился в её противоположную руку – смертельная игра в перетягивание каната.

Его глаза расширились от паники, когда он вдруг замер, засунув руку за пояс, к оружию. Кора заметила блеск металла.

Райк сплотнул, моргнул. «Т-ты не можешь быть здесь», – пробормотал он.

Кора впиалась в него взглядом. «Руки вверх. *Сейчас же*. И перестань её трогать».

Она ощутила ещё одну вспышку памяти. Ещё один далёкий горизонт, снова занявшийся рассветом у неё в голове. Но она подавила эту мысль и полностью сосредоточилась на настоящем.

Она не чувствовала ни страха, ни тревоги. Не сейчас. Не в эту минуту.

Плохие парни не были проблемой. Плохие парни редко её пугали. Нет, даже после той короткой отсидки в тюрьме на Кипре. Её пытали – и она выжила, били – и она выжила, калечили так, что и представить невозможно, и хотя тело до сих пор хранило шрамы, психика почти полностью разучилась бояться.

А вот что по-настоящему *действительно* пугало её...

Жертвы.

Неспособность их спасти.

Приехать слишком поздно.

В морских котиках её работой было убивать плохих парней и прикрывать солдат справа и слева. В ФБР – остановить плохих парней, успев спасти тех, кто мог стать их жертвами. Чуть другой набор обязанностей.

Ей это нравилось, но пугало сильнее.

А теперь её ладонь крепко лежала на плече жертвы. Вторая рука не дрожала, когда она навела оружие в лоб миллиардеру-серийному убийце.

Он сглотнул, всё ещё шаря за пистолетом за поясом. Блеснул ствол. Он сунул палец в спусковую скобу.

Она прищурилась. «Не надо», – сказала она просто. – «Ты не успеешь. Руки вверх, Райк».

От того, что она назвала его по имени, его глаза распахнулись ещё шире. Он бросил взгляд в окно. Где-то вдали Кора, кажется, уже различала приближающийся вой сирен.

Райк прикусил губу. Теперь он уже совсем не выглядел ни красивым, ни обаятельным.

«П-пожалуйста», – медленно выговорил он. – «Она проникла сюда. Я нашёл её здесь. Она пыталась на меня напасть!»

«Заткнись. Руки вверх».

Женщина уже плакала.

Райк тихо, устало вздохнул – так, будто ему опостылел весь мир. Потом его глаза высокомерно сузились под золотой короной. Губа скривилась в усмешке, и он вдруг дёрнул пистолет.

Тот даже не успел выйти из-за пояса.

Он не успел и глазом моргнуть...

Два выстрела.

Она уже разворачивалась, когда труп Десмонда Райка рухнул на пол.

Она сжала женщине руку. Наклонилась и прошептала: «Всё будет хорошо. Вы в безопасности, мэм. Клянусь. Теперь вы в безопасности».

Но, пока сирены приближались, Кора задумалась, можно ли сказать то же самое о ней самой.

Она поморщилась и наконец бросила взгляд на труп Райка. Вздохнула. Вломилась без ордера, наперекор прямому приказу начальства, без *реальных* оснований, только догадки и предположения...

Она снова вздохнула.

Спасла жизнь – и всё равно вляпалась.

Как обычно, подумала она.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кора сидела напротив стола начальника, неловко устроившись на стуле, и отбивала ногой дробь по полу. Она оглядывала уютный кабинет, но её мозг с СДВГ никак не мог зацепиться ни за одну деталь.

Директор Перес был не таким упёртым мудаком, как Огден, но читать его было непросто. Пожилой мужчина сидел за большим ореховым столом и разглядывал её с задумчивым выражением лица.

Кора снова заёрзала, изо всех сил стараясь сидеть смирно, – и, как обычно, безуспешно. Её нога выбивала «татуировку» на синем ковре.

Агент Сол Брейди сидел рядом, с прямой спиной, внимательный, как всегда. Он не дёрнулся ни разу. Статуйей, он смотрел на директора. Сол был напарником Кору с самого её прихода в ФБР два года назад. За эти короткие два года – во многом благодаря ему – они успели сделать себе имя.

Процент доведённых ими дел был одним из лучших в отделе. С виду они не очень-то походили на вероятную пару. В тридцать один, вся в татуировках и старых шрамах, Кора выглядела бывшей военной уже с первого взгляда. Сол же, напротив, был в аккуратном костюме и с таким же аккуратным фиолетово-серым галстуком-бабочкой в горошек. На галстуке поблёскивал золотой зажим, который иногда ловил свет сверху. На лице – тонкая белоснежная щетина. Хотя ему было всего за пятьдесят, тёмных волос у него не осталось ни единого. Он брил голову, но когда волос начинал пробиваться, он тоже был бледным.

Его аккуратно подстриженная светлая борода идеально обрамляла более тёмные черты лица. Сол был воплощением невозмутимости. С эмоциями он был знаком, но, по опыту Кору, мало кто умел так владеть своей внутренней жизнью, как Сол Брейди.

Агент Брейди даже не взглянул в её сторону и не обратил внимания на её бешено дёргающуюся ногу.

Вместо этого он осторожно прочистил горло, выждал ровно столько, сколько положено, давая директору возможность заговорить первым, но, когда тот не воспользовался моментом, Сол заговорил сам. «Сэр, – тихо сказал он, один раз кивнув. – Как вы видите, у нас не было выбора: пришлось войти в здание до того, как директор Огден прибыл на место».

Перес наконец оторвался от компьютера, поправляя расстёгнутый воротник рубашки. Он едва слышно вздохнул и кивнул. «Да, – сказал он. – Да-да...» – и осёкся. У Переса было круглое лицо и один-единственный завиток тёмных волос ровно посреди лба. Немало лет он провёл за столом, и этот опыт добавил талии мягкости. Кресло протестующе скрипнуло, когда директор сдвинулся в сторону, одной рукой постукивая по клавиатуре.

Наконец он захлопнул крышку ноутбука и внимательно посмотрел на них обоих.

– По словам заместителя директора, он дал вам двоим чёткое указание ждать. В ответ он не получил никакой связи.

Кора тихо выдохнула. Сглотнула. «Это была моя идея, сэр, – быстро сказала она. – Я настоящая, чтобы забраться на... э-э... здание».

Директор уставился на неё.

– Забраться?

– Эм... ну да. Мы разве не упоминали эту часть? – Кора поморщилась и быстро взглянула на напарника.

Сол, которого она мысленно могла назвать только джентльменом, разок похлопал её по руке – успокаивающе; в глазах мелькнул озорной блеск, хотя лицо оставалось таким же неприкосновенным. Потом он повернулся к директору. «Сэр, – медленно произнёс он. – Я лично ручаюсь за каждое решение агента Шилдс. Я поддерживал её на все сто процентов».

– На все сто, хм? – сказал Перес. – Ни малейшего люфта? – Он помедлил, выражение лица стало суровым, но затем его круглое лицо вдруг расплылось в улыбке. Он махнул рукой, покачал головой. – Да я шучу. Почти, – добавил он уже тише, себе под нос. – Я знаю, вы двое хорошо работаете. И это ещё одно подтверждение. Просто... просто в следующий раз, – он не договорил. Потом пробормотал что-то себе. Он рассеянно протянул руку и постучал по маленькой настольной игрушке из металла – парящей планете. Вдохнул. – Кого я обманываю, а? В следующий раз делайте ровно то же самое. Просто... постарайтесь не выводить Огдена из себя слишком сильно.

Кора ощутила медленную, робкую волну облегчения. Директор всё ещё улыбался и кивал, говоря: «Отличная работа, вы двое. Я серьёзно». Он взглянул на Кору, и его лицо приобрело оттенок восхищения. «Взобраться на четырнадцатэтажное здание, да? Чёрт...» – он покачал головой. – «Молодчина».

Кора поморщилась. «Вообще-то... тринадцатэтажное, – пробормотала она. – Просто суеверные. Поэтому и называли четырнадцать...» – она замаялась. Это была её самая нелюбимая часть работы.

Разговоры.

Разговоры со свидетелями.

Разговоры с плохими парнями.

Разговоры с коллегами и сослуживцами.

Слишком много, чёрт возьми, разговоров. Ей это никогда особенно не давалось. Часто её считали слишком резкой. Или слишком прямолинейной. В другой раз – слишком неловкой. Или её интересы признавали чересчур странными.

Она не хотела отталкивать людей в общении. И со *своими* – бывшими военными – ей было совершенно спокойно. Но с остальными?

Иногда казалось, будто она говорит на чужом языке.

Сол теперь отражал улыбку Переса. Он тоже посмотрел на неё и утвердительно кивнул.

Кора поморщилась и, наклонившись, пробормотала: «Прости, что тогда ушла в радиомолчание. Просто нужно было немного сосредоточиться».

Выражение лица Сола не изменилось. Он лишь сказал: «Ты сделала то, что должна была. Жизнь женщины была спасена. Отличная работа, Шилдс». Теперь он подмигнул и разок кивнул; голос слегка охрип, когда он откинулся в кресле, с коротким сопением поправляя бабочку. «В мои времена я бы, пожалуй, был там наверху вместе с тобой».

Кора покачала головой. – Не думаю. У тебя не та комплекция.

Глаза Сола сузились. Он цокнул языком. – Оставь мне это, Шилдс.

Кора неловко повела плечами. Она поняла, что, наверное, не стоило говорить последнее. Чёртовы правила приличий требовали всякой лжи. Она вздохнула и, покачав головой, снова перевела внимание на директора.

Перес уже снова поднимал крышку ноутбука. Он начал: – Спасибо вам обоим. Кажется, несколько ваших коллег устроили в комнате отдыха небольшой праздничный круг по напиткам. Формально это не по протоколу, но я сделаю вид, что ничего не знаю, если вы двое захотите заглянуть и—

Но он не успел договорить: дверь в кабинет вдруг распахнулась с грохотом. Окна задрезжали. Рывок распахнутой двери сбил с равновесия маленькую настольную игрушку. Электромагнитное основание дёрнуло парящую металлическую планету вниз и прилепило её к краю платформы.

Перес поднял глаза, нахмурившись. Сол покосился туда – движения у него были медленные, важные.

А вот Коре даже смотреть не понадобилось. Она и так узнала, кто вошёл, – по тяжёлому дыханию, топающим шагам и по самой ауре негодования, что ворвалась вместе с ним в комнату.

– Ну? – рявкнул заместитель директора Огден, и голос у него дрожал. – Ну? – повторил он уже с нарастающим ожиданием. – И что вы решили, Энтони? Почему она всё ещё сидит здесь?

Кора устало, едва слышно вздохнула – и только тогда повернулась к новому гостю.

Директор Огден выглядел как политик. Слишком много геля в волосах, тёмный костюм – будто его подбирали специально под столь же тёмные глаза. Его грозный взгляд сейчас был направлен на директора, но время от времени он делал паузы лишь затем, чтобы метнуть кинжальный взгляд в сторону Кору.

Перес вздохнул. – Малкольм, почему бы тебе не подождать снаружи – мы это обсудим—

Но заместитель Огден хлопнул ладонью по бедру. Кора надеялась, что было больно. – Эта нарушительница, эта – эта – *самовольщица*, – прорычал он, – ослушалась прямого приказа начальника, подвергнув опасности себя, жертву и напарника. Затем она совершила незаконное проникновение, *сэр*, и застрелила человека хладнокровно!

– Не хладнокровно, – пробормотала Кора.

Но Сол слегка толкнул её, быстро покачав головой – лишь бы она прикусила язык.

А Кора никогда не умела хорошо держать язык за зубами. По её опыту люди делились на два типа. Те, кто на дороге уступает, когда какой-нибудь лихач висит у них на хвосте.

И те, кто из принципа не уступает – сколько бы раз гонщик ни пытался их запугать.

Кора была из вторых. Не так уж важно, что достаточно просто перестроиться, и проблема исчезнет, а она окажется вне опасности.

Важно было другое – принцип. Наглые придурки, которые жмут газ лишь затем, чтобы запугать законопослушных водителей, не *заслуживали* своего. Не *заслуживали* того, чтобы Кора прижалась к обочине и дала им проехать.

Хотя, если подумать...

Возможно, есть *три* типа людей. Те, кто уступает. Те, кто, как Кора, не сдвинутся ни на дюйм. И сами лихачи – уверенные, что весь мир создан, чтобы обслуживать их и их нарциссизм.

Кора догадывалась, к какой категории отнести Малкольма Огдена и его самодовольную физиономию.

У него был автозагар из баллончика. Черты – ни красивые, ни уродливые. Лицо как будто спроектировали в лаборатории так, чтобы оно было максимально безобидным.

Но сейчас эти самые безобидные черты перекосило от ярости.

Кора пыталась сохранить непроницаемое выражение, но не смогла: хмурь, как кислое молоко, свернула её лицо.

Если она рассчитывала, что её недовольство хоть сколько-нибудь заденет Огдена, её бы ждало горькое разочарование. Опыт общения с Огденом подсказывал ей безошибочно: ему плевать, что она чувствует. Более того, тридцативосьмилетний явно точил на неё зуб. Поначалу Кора думала, что дело в её слегка колючем характере. Резкая правда и прямолинейная честность – не самые ценимые качества в бюрократическом мире, но со временем она поняла: презрение этого человека подпитывает нечто другое.

Разобраться помог агент Брэди. На Сола всегда можно было положиться: он умел считать чужие мотивы. Ум у него был острый, но эмоциональный интеллект – просто запредельный.

Сол предположил, что Огден завидует успеху Кору.

Она выгрызла себе дорогу из захолустного провинциального городка – первая в семье поступила в колледж. Окончила его. Пошла дальше – во флот, в «морских котиков». А потом,

два года назад, её карьера понеслась с головокружительной скоростью, когда она пришла в ФБР.

Она допускала, что Огден, выросший в семье богатых юристов, ненавидит в ней то, что она собой олицетворяет. Саму идею о том, что человек может сделать себя сам.

Хотя, конечно, Кора никогда не считала себя *самоделкой*. Слишком много было наставников, учителей, друзей, товарищей и коллег, которые помогали ей на пути.

Однажды она услышала выражение: *если хочешь идти быстро, иди один. Если хочешь зайти далеко – иди вместе*. Вот что ей нравилось в службе на флоте. И потому её отношение к Солу оставалось неизменно тёплым.

– Что ты собираешься с этим делать, Энтони? – напирал заместитель директора Огден, сверля взглядом мужчину за столом. Он ткнул пальцем туда, где сидела Кора. – Она – обуза, и ты это знаешь!

Агент Брэди медленно поднялся на ноги; подтянул манжеты и разгладил полы пиджака. Брэди был из тех, кто уважает власть при любых обстоятельствах. Но когда дело касалось Кору, он вставал в стойку. И теперь, прочистив горло тем же жестом, каким минуту назад давал Пересу возможность высказаться, он негромко произнёс:

– Прошу прощения, сэр, – сказал он мужчине помоложе, и в его глазах сверкнуло, – но, насколько я помню, агент Шилдс спасла женщине жизнь. И это не впервые. За два года я могу назвать как минимум ещё семь дел, которые были раскрыты во многом благодаря её собственному вкладу, – пожилой джентльмен кивнул, словно ставя точку, и добавил: – Если позволите.

И тут же сел обратно, глядя прямо на Переса.

Огден нахмурился, глядя на старшего. Он покачал головой.

– Есть правильный способ делать дела, Сол. И есть неправильный. Ты знаешь это не хуже меня. И если бы ты не закрывал глаза, прикрывая её дурное поведение, её бы вышвырнули отсюда ещё год назад. И вы *оба* это знаете.

Кора не была уверена, стоит ли ей что-то добавлять к этому разговору. Было неприятно сидеть и слушать, как на неё обрушиваются, будто её тут вообще нет. С другой стороны, там, на середине высоты того промышленного здания, когда она цеплялась за бетонный подоконник, она *знала*, что всё к этому идёт. Казалось, Огден сделал своей личной жизненной целью добиться её увольнения.

Но сейчас директор покачал головой, сложив руки на столе; прочистил горло и сказал:

– Ваши опасения приняты к сведению, Малкольм. Но должен сказать: отдел с вами не согласен. Более того, отзыв, который я написал о Коре в прошлом месяце, – произнёс он, бросив на неё понимающий взгляд, – был исключительно положительным. Она – ценное приобретение. Возможно, нестандартное. Но всё же ценное.

Словно кто-то отвесил Огдену пощёчину. Он уставился на начальника выпученными глазами, затем прожёл взглядом двух подчинённых, которые всё ещё развалились в креслах на синем ковре.

В его глазах вспыхнуло, и потом, сквозь стиснутые зубы, мужчина с искусственным загаром процедил:

– Как скажете, сэр.

С рычанием он резко развернулся и широким шагом вышел обратно в дверь. Уходя, он с грохотом захлопнул её.

Директор Перес потер переносицу, что-то бормоча себе под нос и качая головой.

Сол снова поднялся на ноги, протянув руку, чтобы Кора тоже могла встать.

Поначалу, когда она только начинала, этот жест казался ей несколько странным. Работая в группе спецоператоров, меньше всего ей хотелось, чтобы кто-то подчёркивал её пол. Принимая его руку, поначалу она словно объявляла о какой-то слабости.

Но за месяцы она поняла: это просто причуда Сола и к ней самой не имеет никакого отношения.

Шло медленно, но она начинала учиться терпимее относиться к чужим странностям.

И потому она приняла протянутую руку, продела локоть под его, позволяя напарнику помочь ей подняться. Он похлопал её по кисти, и, коротко кивнув в сторону Переса, старший агент сказал:

– С вашего позволения. Мы, пожалуй, приобщимся к тому самому, упомянутому веселью.

Директор уже не улыбался. Он нахмурился, глядя на дверь, за которой исчез Огден. Но затем, быстро тряхнув головой, будто возвращаясь к реальности, снова перевёл взгляд на агента Брейди и агента Шилдс.

– Ладно, ладно, – торопливо сказал он. Затем медленно кивнул. – Спасибо. Официальный отчёт я внесу завтра утром. Если там окажется что-то странное – сообщите, и я попрошу мисс Клайд внести правки. На этом всё. Спасибо вам обоим. Хорошая работа. И, Шилдс, обязательно загляни к медикам перед уходом. Они сказали, ты после задания от них ускользнула.

Кора не ответила. Она ограничилась чем-то вроде полукивка. Ни малейшего желания, чтобы в медчасти бюро её тыкали и шупали, у неё не было. К тому же нельзя было позволить им взять кровь – упаси боже. Да и чувствовала она себя нормально. Никаких ранений. Болела только рука, но это – старая фронтовая травма. Вряд ли медики могли чем-то ей помочь. Нет, у неё был свой способ справляться с болью.

И вообще, пока она вместе с напарником направлялась к двери, она высвободила руку, быстро кивнула ему в знак благодарности и, шагнув в коридор, бросила через плечо:

– Я не смогу к вам присоединиться, Сол. У меня... э-э... ну, позже кое-что.

Он нахмурился ей вслед.

– Всё в порядке?

Потом он взглянул вдоль длинного коридора – на другую офисную дверь, которая была закрыта.

– Не переживай из-за Огдена, – сказал Сол, качая головой. – Он в отделе надолго не задержится. К сорока годам у него уже зуд на губернаторское кресло. А у семьи хватит денег, чтобы это обеспечить.

Кора лишь кивнула. Об Огдене она вовсе не думала. Он был из тех людей, которых не запоминаешь. Как всегда, её внимание цепляли не угрозы. Её мысли были заняты другим – старыми, давними воспоминаниями. Вспышки памяти. Запахи, картины, звуки.

Она заставила себя быстро улыбнуться и, когда дверь директорского кабинета закрылась, тихо сказала:

– Спасибо, что вступился за меня. Но поверь, Сол, со мной всё нормально.

Он моргнул по-совиному, озадаченный, будто эти слова вообще не имели смысла. Она его не винила. Для такого, как Сол, сама мысль не вступить за напарницу была попросту немыслима.

Она сказала:

– Ладно, мне пора. Мне нужно быть в одном месте. Спасибо, агент Брейди.

Он снова коротко кивнул.

Она развернулась на пятках, махнув через плечо, и поспешила к лестнице. Лифты она терпеть не могла.

Но, проходя через вестибюль, она заметила несколько фигур у комнаты отдыха. Один из них окликнул:

– Отличная работа сегодня, Кора!

Она быстро, чуть неуверенно улыбнулась и кивнула.

Ещё несколько человек окликнули её вслед – в основном радостно, с облегчением. Они гонялись за Райком уже несколько месяцев.

И всё же, пока она шла, что-то зацепило её взгляд сквозь стекло комнаты отдыха.

Огден был там. Она замешкалась, глядя на него. Она думала, что он ушёл к себе в кабинет. Но нет – он стоял у задней стены и разговаривал с кем-то, кого она узнала по группе технических консультантов. Компьютерный ботаник. Этого человека она знала плохо. Его взяли на работу ещё позже, чем её. Кудрявые волосы, очки – и, возможно, просто из-за компании, в которой он крутился, злые глаза.

Она пару секунд наблюдала, как Огден наклонился ближе и что-то прошептал новенькому техспециалисту.

Но и это оказалось лишь мимолётным миражом. Она прибавила шаг, отвела взгляд и направилась к лестнице.

Идя, она почувствовала облегчение – будто всё осталось позади.

По крайней мере, работа у неё ещё была.

Но вслед за этим накатила новая волна – более сильная. Глубинная тоска. Та, от которой в животе неприятно сводило.

И лекарство она знала только одно.

Её накрыло чувство вины. Глаза сузились. Она стала спускаться по лестнице так быстро, как только могли нести ноги.

Ни разу она не оглянулась.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Кора не заметила, как стало поздно, но тёмное небо подсказало ей. Она сидела на переднем сиденье своего старого «Бьюика», крепко сжимая руль, и не отрывала взгляда от угла улицы впереди.

Это было не то место, куда женщины обычно заглядывают поздней ночью.

Но Кора не считала себя уязвимой.

Даже если бы считала – это ничего бы не изменило.

Тридцатиминутная поездка от штаб-квартиры дала ей время подумать.

Почти всю дорогу она выкручивала музыку, пытаясь заглушить отвратительное проклятие самоанализа.

Для Кору время на раздумья было тем же, чем для других – чистилище.

Но даже тяжёлый металл, орущий из радио, как ни прибавляй громкость, не смог успокоить ей нервы.

Она проехала по улице и остановилась рядом с открытым проулком.

Даже при поднятых стёклах, через вентиляцию, она уловила слабый запах отбросов.

Теперь её знобило.

Вот этого остальные и не видели там, в штаб-квартире. Вот почему она на самом деле ушла с флота.

Никто не знал – ни напарник, ни коллеги и уж тем более не заместитель директора.

Семья?

Чёрт, да когда она в последний раз их *видела*?

Нет, никто не знал, а тяга снова набирала силу.

Она чувствовала, как разум грозит разорваться.

Глухое, невысказанное желание чего-то. Чего-то *безымянного*. Чего-то, чему она не могла подобрать определения. Как слово на кончике языка – только не слово, а ускользающее чувство. Какая-то неудовлетворённая потребность. Кора была уверена: психиатры и психологи выдвинули бы по её поводу любые теории, какие только существуют.

Но была и другая тяга. И она была куда привычнее. Словно её душу тянуло в две стороны. Но уступать она умела лишь одному из этих желаний. Как удерживать на поводке слишком крупного пса – всё, что ей оставалось, это не выпускать.

И она нажала на газ, ускоряясь по улице к углу.

Через лобовое стекло она увидела три фигуры там, где и знала, что найдёт их.

Они были в капюшонах, руки – в карманах, плечи опущены, и они то и дело поглядывали то в одну, то в другую сторону.

Но когда она подъехала ближе, все три пары глаз уставились на неё.

Они напряглись, застыли, наблюдая.

Она опустила стекло, подъезжая, и медленно сглотнула. Подумала об Огдене, о том, что он сказал бы, увидев её здесь. Последний гвоздь в гроб дела, которое он так усердно пытался слепить на неё весь последний год.

И она сама подаст ему его на блюде.

Один из парней на углу наклонился, заглядывая в салон. Он почесал щёку, испещрённую следами от угрей. Он был ненамного старше её самой в те годы, когда она впервые поступила на службу на флот.

– Чего надо, девчонка? – спросил он.

Она не ответила, только вытянула три пальца и постучала ими по рамке двери – рукой, просунутой в окно.

Один из парней, стоявший чуть поодаль и прислонившийся к стене переулка, раз кивнул и исчез в темноте.

Она услышала какие-то звуки, не сразу поняла какие, и через несколько секунд он появился снова, неся небольшой коричневый пакет.

– Ты знаешь порядок, – сказал первый, убирая руку от подбородка.

Она не сказала ни слова. Не возразила. Просто полезла в карман, достала пачку купюр, заранее пересчитанную по дороге, и протянула их в окно.

Парень взял деньги и махнул ей, чтобы ехала дальше.

Она подалась к второму – с коричневым пакетом.

Третий наблюдал, не вынимая рук из карманов, мрачно хмурясь. Когда коричневый пакет уже протягивали в окно, третий резко бросил:

– Стой!

Все замерли. Кора взглянула на него.

Он хмурился на неё, хмурился на её машину.

Она расстегнула пиджак, спрятала любые признаки того, что она из федералов. Но в спешке, в этой лихорадочной торопливости, на миг ей стало страшно: а вдруг она что-то упустила.

Но затем третий сказал:

– Шевелись, леди. У тебя хвост.

Он кивнул; коричневый пакет уронили в окно, и все трое парней развернулись и поспешно скрылись в переулке. Кора нахмурилась, потянулась за пакетом и почувствовала, как под пальцами привычно мнётся бумага.

Она глянула в зеркало заднего вида и с недовольной настороженностью посмотрела на другую машину, свернувшую на улицу.

Теперь она, однако, стояла на холостых у того же бордюра, где остановилась Кора.

Хвост.

Он прав? Или просто дёрганный?

Может, это ещё один покупатель?

Но когда она снова посмотрела на угол, все трое торговцев фармой уже испарились.

Машина у бордюра всё ещё работала на холостых, фары слепили её. Красное зарево стоп-сигналов окрашивало бетон.

Кора смотрела, и сердце подступало к горлу. Потом огни погасли, дверца открылась, из машины вышла фигура и направилась к стеклянной двери одного из многочисленных заведений.

Кора ощутила слабую искру облегчения и подняла стекло. Прислушавшись к совету, она поспешно убралась: поехала по улицам обратно, проскочила знак «СТОП» и вырулила на главную.

И всё же она не могла ждать. Дрожащей рукой она потянулась к коричневому пакету – сердце колотилось от предвкушения.

Она осталась без этого пару дней назад. Два дня – слишком долгий срок, чтобы не пополнить запас.

Не будь она занята охотой на убийцу-миллиардера, она и сама не знала, выдержала бы.

Но, запустив руку в пакет и вытащив неприметный пузырёк, в котором дребезжали таблетки, она почувствовала прилив отвращения к самой себе.

Одна рука сжимала руль, другая – комкала пакет вокруг пузырька.

Взгляд был прикован к дороге за лобовым стеклом, цеплялся за каждую трещину, выбоину и неровность.

Под покровом ночи она тихо скользила по городу, удаляясь от того угла.

Она приоткрыла окно ещё, впуская в салон ветер. Но ни прохладный воздух, ни быстрая машина почти не помогали отдалить Кору от чёрных чувств, закрутившихся внутри. Не только ПТСР. Не только воспоминания о насилии, пытках и ранах. Не только воспоминания о спасении, устроенном её группой. И о ещё одном годе службы – несмотря на боль.

Но и более старые воспоминания. Обрывки памяти о лучшей подруге...

Подруге ближе, чем родня. Да она и *была* родней. Всего два года разницы. Кора на миг подумала о сестре, о своей тогдашней лучшей подруге, о её золотистых кудрях – и её снова накрыло волной боли.

Иногда казалось, будто жизнь способна предложить лишь боль.

Физическая боль – это одно, но существовали и другие виды мучений.

Другие виды пытки.

Боль утраты, по мнению Кору, уступала только знанию о том, что всё потерянное уже не вернуть.

Она покачала головой, пытаясь стряхнуть эти мысли. Но демоны умеют цепляться за плечо. Так просто их не сдвинешь. И вот теперь дрожащей рукой она откинула крышку ничем не примечательного флакона и принялась перебирать таблетки. Узнала она их без труда.

В каком-то смысле она была экспертом по отдельным препаратам.

Она избегала всего, что могло навсегда повредить её способности делать свою работу. Но в остальном привередничать не любила. Алкоголь тоже был среди фаворитов.

Она потянулась к бардачку, не сводя машину с дороги, отщёлкнула защёлку, сдвинула несколько бумаг и выхватила маленькую металлическую фляжку, которую держала там.

Когда пальцы скользнули по холодному металлу, у неё вырвался тихий, облегчённый вздох.

А потом она закинула в рот несколько таблеток, не считая.

И сделала долгий глоток чистого виски.

Она прибавила скорость; ветер рвал через открытое окно и гудел в ушах.

Она проглотила таблетки и снова долго отпила.

Откинулась назад, уперев голову в мягкий подголовник, закрыла глаза.

Слабо улыбнулась, захлестнутая волной абсолютной благодарности.

Нужно было несколько мгновений, чтобы химия подействовала. Это было не совсем то же самое, что покой, но отвлекало мощно. Намеренное переключение.

А для человека с синдромом дефицита внимания и гиперактивности отвлечение зачастую было почти равнозначно самому покою.

Она посмотрела в зеркало заднего вида, натягивая улыбку.

Разумеется, улыбка была ненастоящей. Частью себя она надеялась, что Перес её уволит. Частью – хотела повод. Если бы её уволили, по крайней мере нашлось бы объяснение этому выбору. Кора чувствовала, как опьянение медленно ползёт по рукам, словно мурашки. Покалывание вдоль позвоночника. Она ощущала, как мысли замедляются, как приходит неспешная, вязкая спокойность.

Она обнаружила, что даже дышать стало чуть легче. Сознание затянуло туманом, будто она смотрела сквозь мутное стекло.

Она зевнула, закрыла глаза и снова открыла. Подняла руку, шлёпнула себя по лицу и устала на пустынные дороги.

Она и не заметила, до сколь позднего часа её держали в офисе. Не понимала, насколько поздно было на самом деле. В ночи было что-то успокаивающее. В темноте – что-то утешительное.

Будто она специально создана, чтобы прятать её. Большую часть жизни Кора и провела, скрываясь.

И потому даже наполовину под кайфом она понимала, когда кто-то пытался *найти* её.

Она заметила машину позади.

Фары освещали её автомобиль. Она уставилась в зеркало, на миг нахмурившись.

Понадобилась секунда – она несколько раз моргнула, – но затем поняла: это та самая машина с уличного угла.

Марка и модель – дело второстепенное; у неё всегда был нюх на номера. И теперь, глядя в зеркало заднего вида на автомобиль, она не узнала комбинацию.

Первым порывом было подумать о ФБР. Может, даже об агенте Брэди.

Но нет, это был «Мерседес». Новая модель.

Она нахмурилась в его сторону и прикусила губу.

А потом, по прихоти, ударила по тормозам.

Её машину повело юзом.

Она съехала на обочину, остановилась и замерла, *ожидая...*

Прошло несколько мгновений, и машина позади притормозила. Затем снова ускорила – словно её водитель колебался.

Кора прищурилась, наблюдая за этим движением.

Он и вправду следовал за ней.

Она ждала на обочине, смотрела, как автомобиль резко набирает ход и пролетает мимо. Водитель явно следил за ней больше, чем за дорогой: он пронёсся на красный. Вспыхнуло – камера сделала снимок.

Ей понадобилась минута, чтобы сообразить, что она хочет сделать. Машина пронеслась мимо вместо того, чтобы остановиться. Что это означало?

Они не собирались причинить вред?

Они ждали, когда появится шанс получше?

Она чувствовала, как у неё кружится голова. Чувствовала то же чувство вины, подточенное отвращением к самой себе.

Она тряхнула головой, ощущая, как по коже пробегает покалывание, а гул внутри нарастает.

Потом пробормотала себе под нос: «Думаешь, сможешь за мной угнаться?»

Губы её скривились в презрительной усмешке.

Она нахмурилась и вдавила газ в пол. Рванула с обочины, пролетела перекрёсток – слишком рано ещё было, чтобы машин оказалось много.

Она включила дальний свет – хотя бы затем, чтобы водитель впереди понял: она идёт за ним.

Она рванула следом, и двигатель взревел.

Сердце колотилось как бешеное, кровь прилила к щекам. Вдруг она широко ухмыльнулась и, хлопнув ладонью по рулю, выкрикнула от восторга.

Она неслась по шоссе, набирая скорость, сокращая дистанцию, садясь ему на хвост.

Теперь водитель, похоже, понял, что за ним гонятся.

Его машина начала вилять, перестроилась в самый правый ряд и пошла к съезду.

Она уже сигналилила, моргала фарами – просто пыталась выбить преследуемого из колеи.

Шины визгнули, оставляя на асфальте следы резины, но она пошла следом, ударила по тормозам и едва не развернулась. Её качнуло вбок; она выровнялась и рванула по съезду, следуя за «Мерседесом» через тоннель, к мосту.

«Мерседесу» трудно было уйти от неё; дело было не в машине, а в нервах водителя. Она уже была почти под сто шестьдесят километров в час. И чувствовала только азарт.

Вдруг машина впереди тоже заорала клаксоном. Она приближалась, всё ближе, ближе. Они вот-вот должны были проскочить под мостом.

Она ткнула его в бампер – так, слегка, просто «поцелуй». Подтолкнула, и машина впереди снова взвыла сигналом в знак протеста.

Она дала чуть пространства – и снова ударила в бампер.

Прижмись к обочине, подумала она.

Она сама навалилась на клаксон.

Глядя на машину, она допускала: «Мерседес» может попытаться уйти в отрыв.

Это, она знала, было бы ошибкой. Она не собиралась его отпускать – кем бы он ни был.

Словно почувствовав это – или просто слишком испугавшись продолжать эту скоростную игру в «кто первый струсит», – автомобиль начал сбавлять ход. Шины прошуршали по асфальту и постепенно стихли. Через несколько мгновений машина остановилась, ещё чуть прокатившись. Она тоже сбросила скорость, держась почти вплотную сзади.

Она медленно подошла к заглохшей машине, держа оружие наготове и целясь в окно со стороны водителя. «Не двигаться!» – крикнула она. «Руки на виду!» Ответа не последовало. «Опустите стекло и высуньте обе руки!» – заорала она.

Она двигалась медленно, сжимая оружие так крепко, что мысли сузились до ствола, до спускового крючка, до уверенного хвата.

Подойдя ближе к яркому свету, она несколько раз моргнула, тряхнув головой.

Она торопливо шагнула вперёд – по одному шагу, – подняв оружие.

Медленно переднее стекло начало опускаться.

Она напряглась, ожидая, готовая выстрелить при малейшем движении.

Но затем из окна высунулись две бледные, дрожащие руки, пальцы широко растопырены.

За руками последовал пронзительный голос: «Не стреляйте. Я без оружия. Ради бога, не стреляйте!»

Она на мгновение замерла. Ей понадобилась секунда – и потом, с неприятным провалом где-то внутри, она поняла, что узнаёт этот голос.

Внутри неё медленно поднялась холодная, липкая волна ужаса.

Она шагнула в сторону, чтобы лучше разглядеть фигуру.

Перед ней оказался мужчина с кудрявыми волосами и злыми глазами.

Технарь-агент, который разговаривал с директором Огденом. Недавний новичок.

И рядом с ним, на сиденье, лежала камера.

Ей хватило секунды, чтобы сложить всё воедино. Холодный ком в горле провалился в желудок и стал свинцовой тяжестью. «Какого чёрта ты делаешь – следишь за мной?» – сказала она дрожащим голосом. Конечно, она и так знала зачем.

Он быстро пожал плечами – раз, другой, – а потом тем же визгливым голосом проговорил: «Н-ну же, ну же, стрелять в меня бессмысленно. Даже если ты меня убьёшь, – он судорожно сглотнул, – я уже отправил фотографии. Никакого толку!» Он упрямо закивал, будто подтверждая собственные слова.

Но от этих слов по ней пробежала дрожь. «Повтори-ка?»

Он замялся и тоненьким, таким же пронзительным голосом сказал: «Я сказал – убивать меня бессмысленно. Если ты меня прикончишь, это ничего не изменит. Я уже отправил ему снимки».

«Какие ещё *снимки*?» Она покачала головой – мысли расплывались.

Техагент неловко поёрзал, прочистил горло и заморгал, глядя на неё. В его выражении было что-то крысиное: скошенный нос, а над верхней губой – редкая пыльца седых волосков, будто попытка изобразить усы. Только «усики» дёргались так же нервно, как и он сам.

«Снимки, которые я сделал, когда ты купала на том углу! У меня всё есть. У меня есть *всё*. И ещё – когда ты виляла на дороге там, и, – добавил он деревянно, – между прочим, от тебя разит алкоголем». Он брезгливо сморщил нос. Но тут же сглотнул, покосившись на пистолет.

Она мгновенно поняла, что всё ещё держит его на мушке, и опустила оружие. «Огден вас прислал?» – спросила она.

Он посмотрел в сторону, опять неловко поёрзал. Потом, шёпотом, будто тогда это вроде как не считается, пробормотал: «Да, конечно. Не знаю, чем ты его так взбесила, но он хорошо мне платит, чтобы я за тобой присматривал».

Она уставилась на него. Покачала головой. Она теряла хватку.

Нет, прошептал маленький голос. Она не теряла хватку. Она сама её отдавала. Сжигала, как бумагу, каждый раз, когда глотала эти таблетки, делала этот глоток.

Её накрыло новой волной стыда и унижения.

Она смотрела на человека за рулём, и лишь тогда – соображая медленнее обычного – до неё дошла правда.

Её жизнь кончилась.

Огден её уничтожит.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Тот самый страшный звонок пришёл вместе с солнечным светом, пробившимся сквозь жалюзи.

И одновременно Кора получила сокрушительную новость.

Всё началось с короткого писка – пришло сообщение. Она глянула на экран и нахмурилась: номер неизвестный.

Она на секунду замерла, вглядываясь в цифры. Код – Колорадо. Знала ли она кого-нибудь в Колорадо?

Кора поморщилась, глядя на телефон, который сняла с тумбочки у кровати. Зевнула и несколько секунд разглядывала экран. Голова раскалывалась, во рту было сухо, будто набито ватой. Густое чувство стыда, сожаления заполняло её, пока она лежала на кровати в своей квартире. Всё, что было прошлой ночью, превратилось в мутное пятно.

Она помнила, как отпустила того частного сыщика Огдена. Помнила поездку обратно в городскую квартиру – поездку, от которой кровь стыла в жилах.

И теперь она сморщила нос, собираясь открыть странное сообщение из Колорадо. Но на середине телефон зазвонил.

Экран сменил белый на синий, и она подняла аппарат, всматриваясь во входящий вызов.

Этот номер она знала.

Директор Перес.

Сердце пропустило удар.

Директору было не свойственно звонить ей посреди дня.

Она судорожно выдохнула, подавляя подступающую тошноту. На миг закрыла глаза, откинула голову на подушки и попыталась силой мысли заставить телефон замолчать.

Но он продолжал звонить, будто издеваясь.

Она тяжело вздохнула, а внутри всё извивалось от тревоги.

И потом медленно прошептала себе под нос: «Я справляюсь с трудным».

Это была мантра, которой её научили ещё на флоте.

Что-то вроде обещания самой себе.

Если она нарушит этот уговор – если струсит после того, как произнесёт эти слова, – вся их магия рассыплется окончательно.

Я справляюсь с трудным.

Это был вызов самой себе. Обещание. Если она не доведёт дело до конца – не останется ничего.

И вот она подняла телефон, снова судорожно выдохнув, и провела рукой по прядям до плеч. Закинув волосы за ухо, она ответила.

– Алло?

Ни приветствия, ни представления.

– Кора? – сказал голос Переса.

Кора. Не агент Шилдс – Кора.

– Со мной здесь директор Огден, Кора... – она коротко выдохнула. – Я уверена, вы видели письмо, которое сейчас у всех на почте...

Она замялась, нахмурилась.

– Я... нет... нет, сэр. – Она удержала дрожь в голосе и торопливо переключилась на почту в телефоне, открыла её и быстро пробежала глазами непрочитанные сообщения, привычно отсекая рекламный мусор.

И тогда... она увидела.

Без названия. Пять вложений. Фотографии.

Она нажала на письмо. Адрес отправителя был анонимным. Но отправлено – через закрытый сервер ФБР. И, пробежав глазами список копий, она поняла: файлы разослали всем в отделе. Её пронзило жгучее, абсолютное чувство стыда, и она на миг закрыла глаза.

Конечно, ей не нужно было открывать вложения, чтобы узнать эти снимки.

Но она всё равно открыла.

И вот они – в высоком качестве, доказательство её маленьких демонов. На первом кадре – её машина, подъезжающая к тем наркоторговцам со вчерашней ночи. Дальше изображения поплыли, а память лихорадочно пыталась заполнить провалы. Она увидела снимок, где из рук в руки передают деньги. Где в её окно протягивают коричневый бумажный пакет.

Она увидела короткий видеоролик: её машина виляет и пересекает жёлтую линию – она несётся, как безумная.

А затем – ещё один кадр: она с пистолетом в руке, мутные красные глаза в упор смотрят на вспышку, а сама она, пошатываясь, идёт вперёд, пытаясь догнать человека, который её фотографирует.

Она уставилась на последний снимок.

Уставилась на лицо, которое почти не узнавала. Высокие скулы мало что спасали – выражение было измождённым. Отвисшая челюсть и нетвёрдая походка лишь подчёркивали её состояние. И там, на воротнике, ей даже почудилось пятно от алкоголя.

Она беспомощно покачала головой. Сглотнула.

Огден разослал это *всем*. Не только директору. Всем в отделе. Ему нужна была не просто её должность – он хотел её унижить.

И у него получилось.

Она быстро удалила письмо и закрыла приложение; телефон всё ещё был на громкой связи.

– Кора? – сказал директор Перес, жёстко. – Вы меня слышите?

Кора едва заметно сглотнула. Помолчала, закрыла глаза, потом пробормотала:

– Да, сэр.

– Кора, у этого есть объяснение? Эти фотографии... – Перес осёкся. В его голосе звучало скорее потрясение, чем злость. Почти печаль. В нём слышалась обречённость. Она знала: это закончится одним из двух вариантов.

А что ей, собственно, оставалось?

Время назад не отмотать.

И она промолчала. Части её хотелось солгать, но всю жизнь она сторонилась той лжи, в которой так многие жили. Она могла лишь сидеть, полулёжа в постели, в тёмной комнате, с раскалывающейся после ночного разгула головой и ноющим телом.

– Кора, – тихо сказал Перес. – Я спрошу вас кое о чём. И мне нужно, чтобы вы были со мной честны. Насколько я понимаю, эти снимки сделаны прошлой ночью. – Он вдохнул, и голос стал твёрдым. – Это *когда-нибудь* случилось раньше?

Соври! Просто соври!

Она проигнорировала этот внутренний шёпот. Какой смысл? Её проверят на наркотики. Её занесут в чёрный список. Всё равно.

Да и вообще – уже всё равно. Она медленно опустилась глубже в подушку, широко раскрытыми глазами глядя в потолок.

– Да, – просто сказала она.

– На задании? – спросил Перес, голос у него сжался.

Судорожный глоток.

– Д-да.

– Господи Иисусе, – рявкнул Перес. – Ты издеваешься?

– Нет.

– Чёрт возьми, Кора. Я... я могу предъявить тебе обвинение, ты это понимаешь?

– Я... мне очень жаль, сэр.

– Да плевать мне, Кора. Чёрт. – Он замолчал, тяжело выдохнул. Пауза – он взял себя в руки и продолжил: – Очевидно, ты уволена. Я передам это дальше и выясню, нужно ли ещё что-то предпринимать. Скоро ты обо мне услышишь. – Он повесил трубку.

В тишине слышалось отвращение.

А может, это просто шептало её собственное подсознание. Она ощущала стыд, вину – и потому просто лежала, уткнувшись затылком в подушку и глядя в потолок; телефон был прижат к щеке, холодное стекло медленно согревалось. Она выдохнула дрожащим воздухом.

И ведь даже не больно.

Уволили... а ощущалось... как онемение. Всё будто онемело.

Лишь подняв телефон, она бросила взгляд на сообщение. Наполовину ожидая, что оно от коллеги или даже от её партнёра, она удивилась, когда прочла.

«Ты сможешь приехать на похороны Адди?» Пауза – и ещё одно сообщение. *«Ты получила письмо?»*

По коже, по лицу пробежал холодный зудящий укол. Она уставилась в экран.

Похороны Адди.

Адди?

Кого она знает по имени—

И тут её глаза распахнулись шире. Её накрыл внезапный прилив ужаса. Она быстро переключилась на почту, всё ещё оставаясь в гробу из одеял и подушек. И, пробегая письмо глазами, наткнулась на ещё одно сообщение – двухдневной давности, которое она пропустила. Оно пришло на личный ящик, и во время дела – охоты на Райка – у неё просто не было времени на него ответить.

Но вот оно. Просьба подтвердить присутствие.

И когда она нажала на ссылку, страхи подтвердились.

– Чёрт... – пробормотала она себе под нос, с ужасом глядя на изображение женщины с каменным лицом и оливковой кожей, смотрящей в камеру. На ней была тёмно-синяя форма.

Аделаида Джонсон.

Она проходила БУДС на год раньше Кору. Они быстро подружились – две из немногих женщин в подразделении. Взгляд Кору пробежал по информации под подтверждением. Почти ничего. Только время и дата. Колорадо, позднее *сегодня* вечером.

Она нахмурилась, посмотрела на дату, потом на телефон – и её охватила паника. Похороны сегодня? Да какого чёрта?

Она снова выругалась, пытаясь соскочить с кровати, но ноги были тяжёлые, уставшие. У неё не было сил даже скинуть одеяла. Она просто лежала в спортивных штанах и футболке, уставившись в телефон.

Она открыла единственную социальную сеть, которую вообще иногда проверяла, пролистала до друзей. Нажала на аватар Аделаиды Джонсон.

И там увидела пост.

Он начинался так: *Это сестра Адди. Мне разрывает сердце сообщать эту новость...*

Дальше текст продолжался, но Коре потребовалось несколько попыток, чтобы прочитать – чтобы вообще *осмыслить* эту чудовищную информацию.

Кора откинулась назад и моргнула, по-совиному.

Адди на прошлой неделе покончила с собой.

Убила себя, выпив целую бутылочку таблеток.

Сестра ниже писала о том, что не знала ни о горе, ни о слезах. И где-то внутри Кора ей сочувствовала. Но ещё...

Её взгляд скользнул к кухонной стойке и остановился на её собственной маленькой бутылочке таблеток.

За неё она заплатила втридорога.

Её металлическая фляжка лежала на холодном кафельном полу, на время забытая; маленькая лужица коричневой жидкости покрыла глазурью один из квадратов плитки, намекая на единственные остатки того, что было в её тайных запасах.

Это было как двойка.

Простая, прямая комбинация, которая в её боксёрские времена часто отправляла её в откат. Бокс был одним из её любимых способов тренироваться...

Раз. Уволили.

Два. Подруга мертва.

А потом – третий, контрольный. Похороны сегодня, а Кора – не больше чем пустое место. Отвратительная дрянь. Бесплезная трата воздуха.

Она закрыла глаза, и обвиняющие мысли эхом загудели в голове. Она выпустила тихий, дребезжащий выдох, затем поднялась на ноги, оттолкнувшись от кровати. Её повело, но она всё же удержалась.

Похороны в Колорадо... сегодня вечером.

А она – в Западной Виргинии.

Она правда хочет лететь самолётом?

Она простонала и рухнула обратно на кровать.

Ещё несколько минут...

Её удивляло, насколько пусто ей внутри. Увольнение было не самым страшным. И публичное унижение тоже не имело значения.

Мир, отражающий ей презрение, которое она и так уже чувствовала, был всего лишь подтверждением того, что она думала о себе сама.

Самое страшное, поняла она, было то, как сильно ей всё равно.

На всё это.

Она была такой... такой онемевшей.

Штурмовать здания, гоняться за плохими парнями и стрелять в убийц – всё это напоминало ей о днях славы. А теперь, лёжа на кровати и будучи слишком слабой, чтобы даже дойти до чемодана... она чувствовала только оцепенение и глухую, глубокую пустоту.

Сможет ли она дойти до похорон? Даже ради такой подруги, как Адди?

И это тоже, осознала она с проваливающимся, ледяным ужасом, похоже, вообще не имело значения.

Ничто не имело значения.

Всё казалось беспросветным.

– Я умею справляться с трудным, – прошептала она в пустоту.

Но на этот раз всё, чего это добилось – с титаническим усилием, – так это того, что она снова села и уставилась через свою маленькую, тёмную и пустую квартиру.

Она неловко дёрнула рукава старого парадного мундира. Пары бронзовых пуговиц не хватало. Тёмно-синяя ткань странно заламывалась, а времени отгладить его – да и вообще отнести в чистку – у неё не было. От него всё ещё слабо тянуло дымом с прошлого раза, когда она надевала его на проводы одного из своих прежних командиров. Тогда они жгли костёр, и дым так и вёлся в ткань.

Теперь же, поднимаясь к церкви деревянной, скованной походкой, она старалась не смотреть ни влево, ни вправо, не замечать других мужчин и женщин в чёрном, которые двигались рядом.

Кора остановилась перед дверями церкви и подавила желание развернуться и отступить – по всем правилам тактического отхода.

Она нахмурилась, глядя на распахнутые двери, похожие на зев бездонной пропасти. Неловкость вызывала не столько сама церковь, сколько воспоминания, связанные с этим зданием.

Она помнила более светлые дни своей юности. Помнила, как находила покой за такими вот дверями. Но это ушло – как и многое другое в её жизни.

И теперь ей было не по себе, поднимаясь по ступеням.

Но всё же Адди была хорошей подругой. Это – самое малое, что Кора могла для неё сделать.

Кора подошла к ряду скамей в задней части церкви. Внутри всё было устроено противоречиво. Фасад, окна, старая система кондиционирования и даже застланная ковром сцена – всё говорило о скромности постройки, словно само здание хвасталось тем, что тут не разбрасываются лишним. Но скамьи, часть картин на стенах и многие из пришедших выглядели как выдержанное вино, налитое в одноразовый красный пластиковый стакан.

Она огляделась, выискивая знакомые лица. Здесь были другие бойцы из её старого взвода. Несколько она заметила ближе к передним рядам. Но их было слишком мало. Многие, как она знала, погибли в бою. Другие были слишком пьяны, под кайфом или слишком раздавлены, чтобы тащиться через всю страну.

Она также заметила высокого, гордого мужчину с жёсткими усами, торчащими метёлкой. Одно из её прежних командиров.

Из присутствующих она знала его лучше всех.

Она тут же прошла на другую сторону зала – подальше от командира, – решив любой ценой избежать неловких разговоров.

В ушах у неё всё ещё стоял звон после телефонного звонка тем утром. Даже сейчас, много часов спустя, она так и не могла заставить себя взглянуть правде в лицо.

Её уволили.

Её внимание переключилось на фигуру на сцене – та говорила в микрофон.

У женщины были аккуратные светлые волосы. Очки сидели на переносице; на ней был строгий чёрный костюм. Глаза покраснели, и, говоря в микрофон, она шмыгала носом. Коре понадобилась секунда, но ей показалось, что она узнала эту женщину. Точнее – она узнала вздёрнутый, словно небесный, нос. Эти зелёные глаза. Она узнала черты, похожие на черты подруги. Значит, это была сестра погибшей. Адди показывала фотографии, когда они были за границей.

Женщина на сцене, собравшись с духом, сказала:

– Спасибо всем, что пришли. Простите за позднее начало. Мы хотели дать шанс всем, кто подтвердил участие, успеть добраться.

Её взгляд скользнул к сектору мест, который был совершенно пуст. Она медленно вздохнула и покачала головой; светлые волосы качнулись.

Кора тоже заметила множество пустых мест.

Другие бойцы взвода или товарищи по отделению.

Она знала – за то время, что служила рядом с этими людьми, – что они не пришли не из равнодушия и не из какого-то эгоизма. Просто она понимала: у каждого могут быть свои демоны, которые не дают переступить порог.

Она закрыла глаза и тихо, едва слышно вздохнула. Но когда снова открыла их, женщина впереди продолжала говорить, а Кора вдруг поймала себя на том, что отвлекается.

Кора резко глянула в сторону, отслеживая движение.

Хуже не придумаешь: к ней приближался высокий мужчина с прямой, безукоризненной осанкой.

У него была аккуратная серебристая стрижка. Глаза – синие, как море в солнечный день. Шёл он почти идеально, только левая нога была деревянной, чуть волочилась за ним.

Кора была там, когда командир Грейсон получил именно эту травму.

Она неловко поёрзала, когда он направился к рядам, которые она выбрала. Ошибиться было невозможно: он шёл прямо к ней, и синие глаза были прикованы к её лицу.

Сестра на сцене теперь произносила вступительные слова. На фоне играл орган – печальная музыка, будто нарочно задающая тон.

Кора посмотрела на сцену, медленно выдохнув.

Но Грейсон проскользнул на место рядом, развернулся лицом вперёд – и сначала ничего не сказал. На нём была форма, похожая на её, только от его, как она уловила, пахло мылом, а не дымом. Он был на том костре два года назад, когда они в последний раз собирались.

– Сэр, – наконец сказала она, коротко и сухо кивнув. Она пыталась слушать то, что говорили со сцены, но становилось всё труднее. Ей не хотелось разговаривать ни с кем из прошлого. Не хотелось отыгрывать вежливость. Рано или поздно всё равно начинались вопросы. «Чем ты сейчас занимаешься? Как тебе работа? Как ты?»

Ни на один из них у неё не было ответа, который хоть кого-то бы устроил.

Командир Грейсон один раз переместился, выпрямился, заложив руки за спину, и глянул на неё искоса.

– Как ты, Кора?

Точно как она и думала – вопрос, на который отвечать не хотелось. Врать она не хотела. Поэтому просто пожала плечами и не отрывала взгляда от сцены. Это было сложно ещё и потому, что командир Грейсон, из всех, был одним из её любимых начальников. Более того: травму левой ноги он получил на спасательной операции, которая помогла вытащить её и одного из членов её группы из вражеского лагеря для военнопленных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.